

М. А. САЛМИНА

К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище»*

Прежде чем перейти к изложению своей точки зрения на время и обстоятельства появления «Сказания о Мамаевом побоище», кратко остановлюсь на ряде существующих к настоящему моменту взглядов исследователей по данному вопросу.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», описывая нашествие Мама на Русь в 1380 г. и обращаясь к Никоновской летописи и Синописису, включавшим текст «Сказания», назвал памятник «сказочным», «баснословным», содержащим ложные факты, созданными «в исходе XV века».¹

С. М. Соловьев охарактеризовал «Сказание» как произведение с «большими подробностями, невероятными, подозрительными, явно неверными».²

И. Назаров в работе «Сказания о Мамаевом побоище» писал, что произведение является опытом «сближения книжной повести с живыми сказаниями народа», и датировал его второй четвертью XV в.³

Мнения о позднем происхождении «Сказания» придерживался и Х. М. Лопарев, предположивший, что «появление <...> основного текста памятника обязано XV веку и именно событию 1480 года, когда сила Золотой Орды была окончательно сломлена» и «какой-то книжник вспомнил о былой победе над татарами и изобразил ее с точки зрения понятий XV—XVI века».⁴

С. К. Шамбинаго в книге «Повести о Мамаевом побоище» отнес время написания «Сказания» к первой четверти XV в.⁵ А. А. Шахматов в рецензии на эту книгу С. К. Шамбинаго высказал мнение, что «Сказание» было создано в начале XVI в. «для митрополичьего летописного свода».⁶

* В статье использован материал курсовых работ студента исторического факультета СПбГУ В. А. Романова.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 5. Примеч. 65, 70.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1857. Т. 4. С. 395—397.

³ Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. СПб., 1858. С. 56, 70.

⁴ Лопарев Хр. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Памяти Леониды Николаевича Майкова. СПб., 1902. С. 115.

⁵ Шамбинаго С. К. 1) Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; 2) Литература Московского княжества конца XIV и XV в. Гл. 2, § 2 // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. ч. 1. С. 215.

⁶ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 81. С. 177—178, 181, 195, 203—204 (отдельный оттиск).

Л. А. Дмитриевым была определена первоначальная редакция «Сказания» («Основная» редакция) и высказана мысль о возникновении «Сказания» в первой четверти XV в.⁷

Л. В. Черепнин определял нижнюю границу датировки «Сказания» временем «после 1382 г.»⁸ Ю. К. Бегунов считал, что «Сказание» возникло между 1455 г. и концом XV в. и является литературно-публицистическим произведением, мало соответствующим исторической действительности.⁹ По мнению И. Б. Грекова, «Сказание» было создано во второй половине 90-х гг. XIV в., в 1396—1397 гг.¹⁰

В. С. Мингалев, в отличие от Л. А. Дмитриева, считал первоначальной Летописную редакцию «Сказания». Время создания памятника он определяет 30—40-ми гг. XVI в., когда составлялась Вологодско-Пермская летопись.¹¹ С XVI в. следует связывать появление «Сказания о Мамаевом побоище» и по мнению М. А. Салминой, предположившей ранее, что «Сказание» могло возникнуть в промежутке между серединой XV в. и началом XVI в.¹²

В. А. Кучкин посчитал, что «Сказание» написано спустя более 100 лет после описываемых событий. В своей статье «Победа на Куликовом поле» он приводит ряд аргументов в поддержку этой точки зрения. Например, в «Сказании» упоминаются князья Андомские, а их удел образовался только в 20-х гг. XV в. Владимирский Успенский собор мог быть назван «вселенской» церковью (как в «Сказании») только после взятия турками Константинополя в 1453 г. и падения значения собора св. Софии. Константиновские (Константино-Еленинские) ворота Московского Кремля, о которых говорится в «Сказании», впервые стали так называться в 1490 г.; а наличие в «Сказании» эпизода — отъезда православных князей от отца-католика может свидетельствовать о том, что произведение могло появиться в начале XVI в.¹³

По мнению Р. Г. Скрынникова, исследовавшего «Сказание», произведение было сложено в Троице-Сергиевом монастыре в первой трети XV в., но свое окончательное литературное оформление оно получило много позже — в конце XV в. «или в еще более позднее время».¹⁴

⁷ Дмитриев Л. А. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 185—199; 2) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406—448 (сер. «Лит. памятники»). См. также: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 332—359 (сер. «Лит. памятники»); 3) Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 21—22; 4) Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 371—384.

⁸ См.: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 621.

⁹ См.: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 477—523.

¹⁰ См.: Греков И. Б. 1) О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Сов. славяноведение. 1970. № 6. С. 27—36; 2) Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 384—401.

¹¹ См.: Мингалев В. С. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Моск. Гос. историко-архивного ин-та. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1966. Вып. 2. С. 55—72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. МГИАИ. М.; Вильнюс, 1971.

¹² Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 124.

¹³ Кучкин В. А. 1) Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3—21; 2) Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 113—114.

¹⁴ Скрынников Р. Г. 1) Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 57—62; 2) Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище»? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 205—210.

Один из последних исследователей «Сказания» Б. М. Клосс считает, что в основу «Сказания» легла летописная компиляция, включавшая компоненты СІЛ, Н4Л и Московского свода 1479 г., которая сложилась в конце XV в. и поэтому «Сказание» ранее конца XV в. возникнуть не могло. Б. М. Клосс считает, что «Сказание» создано в промежуток времени между 1519—1522 гг., а автором его был Митрофан, епископ Коломенский.¹⁵

Итак, на протяжении 200 лет изучения «Сказания о Мамаевом побоище» высказывались различные точки зрения на время возникновения памятника. И хотя большинство ученых склонно было считать, что «Сказание» было создано в конце XV в. (Н. М. Карамзин, Х. М. Лопарев, Ю. К. Бегунов) или XVI в. (А. А. Шахматов, В. С. Мингалева, М. А. Салмина, В. А. Кучкин, Б. М. Клосс), все его исследователи в сущности ограничивались общими рассуждениями по поводу возникновения памятника.

* * *

Неожиданная находка дала новый поворот в изучении «Сказания» и заставила совершенно иначе взглянуть на памятник. Ею оказалась «Опись» книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., опубликованная в 1911 г. В. Т. Георгиевским, в которой содержалась запись о том, что в библиотеке этого монастыря хранился «Судебник до Мамаева побоища в полдесть в тетрати кожа бела».¹⁶ При упоминании в актовом материале и летописных источниках Древней Руси первой половины XVI в. термина «судебник» мог иметься в виду либо Судебник 1497 г., составленный при Иване III,¹⁷ либо Судебник 1550 г. Ивана IV. Так как указанная «Опись» составлена в 1545 г., то речь в ней может идти лишь о Судебнике 1497 г.

Приведенная запись обращает на себя внимание тем, что в ней упоминается «Мамаево побоище», которое, следовательно, должно было произойти в промежуток времени с момента появления Судебника 1497 г. до 1545 г. (года составления «Описи»). Напомним, что битва, произошедшая между русскими и татарскими войсками во главе с Мамаем в 1380 г., в «Летописной повести» о Куликовской битве именуется «Доновским побоищем». «Мамаево побоище» упоминается в «Задонщине» (списках К-Б, Унд. и др.) — памятнике XVI в. (см. об этом ниже, примеч. 75).

¹⁵ Клосс Б. М. 1) Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // *Историческое общество: Сб. памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997. С. 253—262; 2) Сказание о Мамаевом побоище // *Избранные труды*. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 333—348. См. также: Лурье Я. С. *Россия древняя и Россия новая*. СПб., 1997. С. 144—146.

¹⁶ См.: Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545—1703 года // *Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря*. СПб., 1911. Приложение. С. 18. См. также: Дмитриева Р. П. Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // *Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности*. Л., 1991. С. 36. Приводим фрагмент текста «Описи» с интересующей нас записью: «Да написал днакъ в Турове: [1] Шестодневъ с Минеею в полдесть, [2] Синодик в полдесть в тетрати, в началъ должное к Богу лѣтнее благодарение, [3] книги записныя кто что дал по родителям своим в полдесть тетрати, [4] села и деревни монастырская тут же, тетрат в полдесть, в началъ благословение Геронтия митрополита, [5] Лѣтописецъ избран вкратцѣ в тетрати в полдесть, [6] Судебник до Мамаева побоища в полдесть в тетрати кожа бела, [7] сборник до Мамаева побоища в полдесть в тетрати кожа бела, [8] сборникъ в четверть дести, в началъ Синаникъ православныхъ. Слова записи «кожа бела» относятся к переплету, который обрамлял «тетратъ»: в «Описи» встречаем: «тетрати в коже», «сборник поволочен кожа бела», «Апостол, поволока кожа красна», «Псалтирь, кожа черна».

¹⁷ См.: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 38—40. См. также: Типографская летопись // *ПСРЛ*. Пг., 1921. Т. 24. С. 213.

Возникает вопрос: что это за «Момаево побоище», упоминаемое в «Описи», о каких событиях могла идти речь в этом документе?

Обращение к летописному материалу в границах между 1497 и 1545 гг. показало, что в это время действительно произошло большое количество стычек и сражений русских и татарских войск. В 1500 г. отмечены столкновения русских с ордынскими татарами; в 1505, 1506, 1521, 1523, 1524, 1530, 1536, 1537, 1538, 1540, 1541 и 1545 гг. — с казанскими татарами; в 1500 и 1501 гг. — с азовскими татарами; в 1507, 1512, 1513, 1517, 1518, 1521, 1522, 1528, 1533, 1535, 1537, 1540, 1541, 1542 и 1545 гг. — с крымскими татарами.¹⁸ Однако никаких фактических совпадений с событиями, описанными в «Сказании о Мамаевом побоище», в летописях не содержится. Только под 1512 г. упоминается река Тихая Сошна, о которой говорится и в «Сказании».

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в памятнике прослеживается явное стремление к постоянному подчеркиванию необходимости служения христианству. Создается впечатление, что основной мыслью, пронизывающей весь текст памятника, является борьба русских за христианскую православную веру. Автор постоянно подчеркивает эту мысль — необходимость служения христианству. Например, великий князь Дмитрий говорит князьям: «Братие князи русские, гнездо есмя князя Владимера Святославича киевского, ему же откры Господь познати п р а в о с л а в н у ю в е р у <...> и заповеда нам ту же веру святую крепко дрѣжати и хранити и поборати по ней <...> Аз же, братие, за веру Христову хошу пострадади даже и до смерти»; далее он обращается к воинам: «Отци и братиа моа, Господа ради, подвизайтесь и святых ради церквей и в е р ы ради х р и с т и а н с к ы а...», «...хошу с вами <...> умерети за святую в е р у х р и с т и а н с к у ю!...»; после битвы, скорбя о погибших, произносит: «...положили есте головы своа за землю Русскую, за в е р у х р и с т и а н с к у ю...», «...положили есте главы своа за святыа церкви и за п р а в о с л а в н о е х р и с т и а н с т в о»; у гробов своих прародителей Дмитрий просит: «Истиннии хранители, русскыа князи, п р а в о с л а в н ы а в е р ы х р и с т и а н с к ы а поборѣнници, родители наши <...> помолитесь о нашем унынии <...> и ныне подвизайтесь с нами». Великая княгиня Евдокия молится: «...не дай же, Господи, погибнути оставшему х р и с т и а н с т в у...». «Русские богатыри», обращаясь к великому князю, говорят: «...мы же готови есмя в сий день главы своя положитьи за тебе, государя, и за святыа церкви и за п р о в о с л а в ъ н о е х р и с т i а н с т в о...». Князья отвечают Дмитрию: «...и мы, государь, днесь готови есмя умерети с тобою и главы своя положитьи за святую в е р у х р и с т i а н с к у ю...». Игумен Сергей напутствует Пересвета и Ослябю: «Мир вам, братие моя, крепко постражите, яко добрии вѣини по вере Христове и по всем п р а в о с л а в н о м х р и с т i а н с т в е...».¹⁹

Примечателен в «Сказании» следующий момент: на помощь великому князю отправляются князья из Литвы. Двое из них — Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский приходят на Русь, потому что, как объясняет «Сказание», они «отцом своим <...> ненавидимы были, мачехи ради» и захотели помочь «великому князю Дмитрию московскому и всему п р а в о с л а в н о м у х р и с т i а н с т в у». «Отець нашъ, — говорят они, — приложьлся безбожным» и преследует «п р а в о с л а в н у ю в е р у Х р и с т о в у».²⁰

¹⁸ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 292, 297—299, 302, 303, 306, 308, 310—312, 314, 315, 317, 318, 324; Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 215—218, 221—224; Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 20. Вторая половина. С. 369, 372, 375—379, 385, 391—393, 401—406, 417, 430, 431, 435, 436, 440—442, 444, 452, 455—458, 461, 464, 465.

¹⁹ Повести о Куликовской битве. С. 50, 52, 54, 55, 66, 67, 68, 73, 75. См. также: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30—33, 41—43, 47.

²⁰ Повести о Куликовской битве. С. 59; Сказания и повести о Куликовской битве. С. 36.

Итак, главная мысль «Сказания», как представляется, — это борьба за христианскую православную веру.

Возникает вопрос: так ли важно было подчеркивать в произведении мысль о борьбе за православную веру, если автор имел в виду враждебные русским татарские полчища? Ведь татары, производя набеги на Русь и доходя порой до самой Москвы, практически не ставили своей задачей обращение христиан в мусульманскую веру. Их целью были грабежи, захват ценностей и пленных. Между тем в истории Руси в пределах отрезка времени между 1497 и 1545 гг. был момент, когда борьба за православную веру стояла в центре великокняжеской политики и политики церкви. Например, так было во время, непосредственно следовавшее за появлением Судебника «до Мамаева побоища» в конце 90-х гг. XV—начале XVI в. Главным вопросом внешней политики Ивана III в этот период являлись отношения с Литвой. В намерения Ивана III входило тогда воссоединение русских земель, захваченных литовскими князьями в XIV—XV вв.²¹ В связи с этим огромное внимание уделялось религиозной стороне дела. Важнейшим условием брака Елены Ивановны, дочери Ивана III, с литовским государем — католиком Александром, состоявшегося в 1494 г., было по желанию Ивана III сохранение Еленой русского православного вероисповедания.²² Иван III рассчитывал, что сохранение Еленой православия усилит сопротивление православного населения Литвы наступлению католицизма. Ведь в конце 90-х гг. католическое духовенство в Литве стремилось осуществить постановление Флорентийского собора о церковной унии.²³ Делались попытки принудить к принятию католической веры и великую княгиню Елену: «...князь великий (т. е. Александр) неволил государыню <...>, великую княгиню Олену, в латынскую проклятую веру...», — так сообщалось в одном из документов, полученных в Москве.²⁴

Попытки католических кругов ввести унию для православного населения Литвы привели в конце 90-х гг. XV—начале XVI в. уже к массовому переходу русских князей из Литвы на Русь. В 1499—1500 гг. перешел на московскую службу Семен Бельский. За ним последовали князь Хотетовский, князья Трубецкие и Мосальские.²⁵ Особенно знаменательным был переход на службу к московскому великому князю в 1500 г. чернигово-северских князей, давних врагов Ивана III: сына Ивана Можайского — Семена Ивановича (Стародубского) и внука Дмитрия Шемяки — Василия Ивановича.²⁶ Переход именно этих князей из Лит-

²¹ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 178.

²² В посланиях к Елене Ивановне и Ивану III, и ее мать Софья Фоминична неоднократно напоминали ей, чтобы она «помнила <...> о греческом законе, чтобы еси была в своем законе неподвижна», «а к римскому бы еси закону не приступала, <...> а от нас бы еси и от всего православного христианства в неблагоговении и в проклятье не была в сем веке и в будущем» (см.: Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 240 (1497), 275 (1499)).

²³ Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 433.

²⁴ См.: Грамота из Вязьмы от князя Бориса Михайловича Турени-Оболенского к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 35. С. 274 (грамота № 57. 30 мая 1499 г.).

²⁵ Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 435—436; Дворниченко А. Ю. Русские земли великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 86; см. также: Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV—первой трети XVI в. М., 1995. С. 92—93, 95 (Исследования по русской истории. Вып. 4).

²⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 435—436; Дворниченко А. Ю. Русские земли великого княжества Литовского... С. 91—92; Кром М. М. Меж Русью и Литвой... С. 96—98. По мнению М. М. Крома, «отъезд» князей происходил не по религиозным причинам. Переход под

вы на Русь был особо отмечен австрийским послом С. Герберштейном: «...два родных брата <...> один по прозвищу Стародубский <...>, а другой — Шемячич, которые владели доброй частию Северной области <...> отдают себя под власть московита».²⁷

Попытки принудить Елену к принятию «римского закона» и насильственное распространение среди русского православного населения Литвы католичества привели к русско-литовской войне 1500—1503 гг. Наиболее крупным сражением русских с литовцами в этой войне, закончившейся в целом удачно для Москвы, считается знаменитая битва 1500 г. на реке Ведроше, исход которой решил скрытый русскими в засаде отряд.²⁸ В этой битве, как следует из Разрядов,²⁹ принимали участие и только что перешедшие на московскую сторону вышеупомянутые северские князья — Семен Стародубский и Василий Шемячич.

При сопоставлении данных «Сказания» с исторической действительностью конца XV—начала XVI в., фактами этого времени, засвидетельствованными документами, создается впечатление, что в памятнике нашли отражение события, происходившие не столько на востоке или юге от Москвы, сколько на западе от нее. Вполне возможно, что в «Сказании» под «мачехой» перешедших на Русь литовских князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского имеется в виду великая княгиня Елена Ивановна, а под «отцом» — «ненавидевший» их «мачехи ради», «приложившийся безбожным» и преследовавший «православную веру Христову» великий князь литовский Александр в образе Ольгерда. Вероятно, что за упоминанием в «Сказании» «Северы» (места, откуда литовские князья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский направились к великому князю Дмитрию) стоит намек на переход к Ивану III в 1499—1503 гг. православных князей Северщины,³⁰ в том числе Василия Шемячича и Семена Можайского. В словах «Сказания» «великая обида», за которую великий князь Дмитрий «въсхоте прежде всех сам битися» и о которой также говорят в «Сказании» «князи русские» («мы, государь, днесь готови есмя умерети с тобою и главы своя положити за святую веру христианскую и за твою великую обиду»), можно усмотреть ту самую «обиду», которую, в глазах Ивана III, нанесил ему литовский князь Александр, насильственно обращавший русских подданных в католичество.³¹ Может быть, в «Сказании» в изображении засады в дубраве под начальством Владимира Андреевича и Дмитрия Волынского, решившей исход боя в пользу русских, имеется в виду сражение на Ведроше, когда русский отряд, находившийся именно в засаде на левом берегу реки, в критический момент выступил и смял литовцев?³² Гости-сурожане, упоминаемые в «Сказании», могут являться купцами не из крымского города Сурож, как обычно считают, а из литовского Сурожа, находившегося под Гродно торгового города, пользовавшегося с середины XV в. магдебургским правом наравне с Вильно (он был отдан в 1507 г. в пожизненное пользование дочери Ивана III — Елене Ивановне).³³ Возможно, что

власть Ивана III обеспечивал им закрепление за ними старых земельных владений и приобретение новых (Там же. С. 97).

²⁷ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 67.

²⁸ Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 454—455; Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 211.

²⁹ Разрядная книга: 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 60—61.

³⁰ Северщина — северские города, находившиеся в конце XV в. на территории Литвы и расположенные в бассейне р. Десны (Брянск, Стародуб, Чернигов) и по р. Сейму (Путивль и др.).

³¹ См.: Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 440.

³² Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 67.

³³ Семенов Н. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1873. Т. 4. С. 794.

именно к Елене Ивановне доходили вести через этих гостей-сuroжан, которые, по словам «Сказания», должны были, идя из Москвы в земли, где они «хозяевами быша», «поведасть» кому-то, что «великому князю» «Бог <...> случить».

Таким образом, получается, что в «Сказании» действительно присутствует какой-то комплекс фактов, перекликающихся с историческими событиями рубежа XV—XVI вв., но ориентированных не на юг и восток, а на запад (это и переход к Дмитрию Ивановичу литовских князей, которые шли бороться за православную веру вопреки воле отца, ненавидевшего их «мачехи ради»; и то, что они шли из Северы; и упоминание Сурожа, видимо, не крымского; и даже упоминание засадного полка, создающее какую-то связь с битвой на Ведроше). В то же время очевидно, что описываемое в «Сказании» — это не битва на Ведроше, и вообще никакое военное столкновение с Литвой в «Сказании» не описывается. Однако в связи с вышесказанным становится ясно, что в «Сказании» все же присутствует антикатолическая тенденция.

Битва же, по «Сказанию», была именно с Мамаем, а не с топчущимся на месте Ольгердом. Любопытно, что организаторами этой антимамоевской битвы были представители церкви — митрополит Киприан, Сергей Радонежский, которые в «Сказании» являются главными советниками великого князя.

* * *

Наверное, полной ясности, что же изображено в «Сказании», так бы и не удалось достичь, если бы не обращение к главной фигуре произведения — Мамаю. Именно Мамай помогает разгадать, какие события подразумевает памятник. Как представляется, автор «Сказания» описанием облика Мамаю и фактов, связанных с ним, своеобразно обозначил еще один очень важный момент, существовавший на Руси именно в тот же самый период — в самом начале XVI в. «Сказание» — это памятник, посвященный не какому-то одному конкретному событию, а ряду событий, случившихся в одно время, ситуации в целом.

Мамай, который считается предводителем татарских полчищ и является главным врагом русских, изображен в «Сказании» довольно своеобразно. Он заявляет, что не собирается действовать так, как в свое время действовал Батый, осквернявший церкви и грабивший монастыри. Мамай говорит, что он хочет сначала расправиться с князем, а затем сесть в тех «красных» городах, которые, по его словам, «довлеють нам»: «И ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно проживем». Автор представляет его следующим образом: Мамай пришел с Востока, он — «царь вольный» и собирается побеждать «царя», «подобна себе». Он любит и ценит «книгы», их ему приносят Ольгерд Литовский и Олег Рязанский. Мамай — «злый христьянский укоритель», «идоложрец», «еллин верою», т. е. многобожец. Но Мамай — татарин и, следовательно, мусульманин и, значит, исповедовал ислам, который многобожья не признавал. В то же время «боги» Мамаю в «Сказании» названы. Кто были «богами» Мамаю, удалось выяснить из обнаруженного в памятнике тайнописного текста в отрывке, находящегося в заключительной части «Сказания» при описании переломного момента сражения: Мамай, «видев свою погыбель, нача призывати боги своа Перуна и Салавата и Рахлиа и Гурса и великого своего пособника Махмета». ³⁴ Слова «Перун», «Салават», «Ираклиа» и «Гурс» оказались затаенными, и прочтение их привело

³⁴ Повести о Куликовской битве. С. 71. В комментарии к этому тексту говорилось, что автор «Сказания» «называет в числе богов-покровителей Мамаю — древнерусских языческих богов Перуна и Гурса (испорченное Хорс), а также неизвестных богов Салавата и Раклиа, хотя Мамай был мусульманином» (Там же. С. 287).

к заключению, что богами, которым молился Мамай, были гадательные книги — «Громник Ираклия» и «Таблица Пифагора». ³⁵ Обнаружение тайнописного текста в самом «Сказании» — это вторая находка, помогающая понять, что же хотел изобразить его автор в своем произведении.

* * *

Выше говорилось, что в «Сказании о Мамаевом побоище» наличествует антилатинская тенденция, и автор ориентировал читателя, скорее всего, на события самого конца XV—начала XVI в. — 1498—1503 гг. Но это же самое время — конец XV—начало XVI в. — характеризуется еще и другими событиями, происходившими в идеологической жизни русского общества. Напомним коротко о них.

С конца 70-х гг. XV в. по начало XVI в. в Русской земле распространилось реформационное движение — новгородско-московская ересь, получившая в научной литературе XVIII—XIX вв. наименование «ереси жидовствующих». ³⁶

Ересь охватила главным образом Новгород и Москву. О новгородской ереси конца XV в. Я. С. Лурье писал, что одной из главных ее черт была «рационалистическая критика христианской догматики». ³⁷ Еретики, как следует из «Книги на новгородских еретиков» или «Просветителя», написанного в опровержение ереси игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Саниным, ³⁸ отвергали «пресвятую Троицу», утверждая, что Бог Отец не имеет ни Сына, ни Святого Духа, отвергали божественность Христа, называя его простым человеком, отрицали божественность мошей. Они говорили также, что «не подобает поклоняться рукотворению», т. е. иконам и «честному кресту». ³⁹ Еретики, критикуя самый институт церкви, выступали против поставления церковнослужителей «по мзде». ⁴⁰ Московскими еретиками особенно критиковался институт монашества: они «образ иноческий и жителство иноческое укоряюще». ⁴¹

³⁵ Вот как расшифровывается этот тайнописный текст. Согласно «Лексикону словяноороському» Памвы Беринды начала XVII в., слово «Перун» означает «Гром» (см.: Лексикон словяноороський Памви Беринды. Київ, 1961. С. 81 («Перунъ: Громъ»)). В соответствии с «обратной» тайнописью (см.: Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4з. С. 138) слово «Салават» следует читать справа налево (с заменой русского «в» на латинское «b») — «Табалас», что значит «Таблица» (лат. tabulae, греч. ταβλα, польск. tabela). «И Раклиа» объединяется в одно слово «Ираклия». Слово «гурс» означает «круг» (греч. ὄρος). Кроме «обратной» тайнописи в этом фрагменте использована тайнопись «фигурная», когда допускалось чтение «скачками», от буквы к букве и от слова к слову (Там же. С. 43). Из сказанного следует, что слова «Перун» («Гром») и «Ираклия» вместе означают «Громник Ираклия», а «Табалас» и «гурс» — «Таблица круглая». Как следует из рукописи XVIII в. РНБ, Ф. III. 11 (л. 25 об.—26), где находится «Таблица философа Пифагора гадательная», эта «таблица» действительно круглой формы. Подробнее см.: Романов В. А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 596—599.

³⁶ См. подробно об этом в кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. Вторая часть книги «Новгородско-московская ересь конца XV—начала XVI в.» написана Я. С. Лурье (с. 74—224).

³⁷ Там же. С. 126.

³⁸ См.: Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1896. Я. С. Лурье считает, что «Просветитель» даже в первой своей редакции был создан уже после фактического падения ереси (1503 г.), что это резко тенденциозный и относительно поздний источник (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 119).

³⁹ См. «Сказание о новоявившейся ереси», представляющее собой начальную часть «Просветителя» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 469—470, 477).

⁴⁰ Там же. С. 124—126, 209.

⁴¹ Там же. С. 136, 470.

Главными обличителями ереси были новгородский архиепископ Геннадий и волоколамский игумен Иосиф Санин. Но прямое обвинение еретиков в «жидовстве» принадлежит Иосифу. Это он ввел тему «жидовства» в свою книгу. Его стремление «довести врагов <...> до костра», раз и навсегда покончить с ересью принудило его изобразить движение не просто как ересь, а как «отступничество» от христианской веры, «жидовство».⁴² В «Сказание о новоявившейся ереси» — начальную часть «Просветителя» Иосифом был введен рассказ о «жидовине», «именем Схария»: «...сей бяше диаволов съсуд, и изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи, живой в граде Киеве».⁴³ Он пришел в Великий Новгород в 1470 г. из Литвы с князем Михаилом Олельковичем и многих совратил в «жидовство», в том числе попа Дениса и протопopa Алексея. Последние были взяты великим князем Иваном III в Москву для служения в московских храмах. Ересь пользовалась тайным сочувствием Ивана III, ее покровителями были невестка великого князя Елена Стефановна, глава Посольского приказа Федор Курицын и сам митрополит Зосима.⁴⁴ Новгородская ересь находила сочувствие в Москве, так как, по словам Я. С. Лурье, она отвергала церковные «стяжания» и облегчала «Ивану III задачу ликвидации крупного церковного землевладения в Новгороде».⁴⁵

После разгрома в 1490 г. новгородской ереси центром ее становится Москва, где критике еретиков подвергаются «отцы церкви» и монашество. Государство стремилось к тому, чтобы умерить притязания церкви, и великий князь пытался использовать ересь в своих целях. Но идти на серьезные расхождения с верхушкой церковных феодалов Иван III не смог. Движение еретиков охватывало все новые слои общества. «Объективно, — пишет Я. С. Лурье, — антифеодальный характер новгородско-московской ереси <...> заставил великого князя в конце концов отказаться от той колеблющейся позиции в отношении этого движения, которую он занимал на протяжении ряда лет, <...> в борьбе между феодальной церковью и ересью государственная власть неизбежно должна была стать на сторону церкви».⁴⁶ Иосифлянское духовенство победило. Московский собор 1504 г., специально посвященный еретичеству, приговорил еретиков к смертной казни.

Но ересь не была чисто религиозным течением. Это была не столько «богословская ересь», пишет Д. С. Лихачев, сколько «умственное светское антиклерикальное течение», движение вольнодумцев, «связанное своим происхождением и направленностью» «с отголосками гуманистического течения на Западе», которые проникали в Новгород и Москву «через Литву и через литовских евреев».⁴⁷ Люди, возглавлявшие еретическое движение в Новгороде и в Москве, были образованны и увлечены светскими науками. В круг чтения еретиков-вольнодумцев, как следует из показаний новгородского владыки Геннадия, входили произведения церковно-полемиического характера: «Сильвестр папа Римский», «Слово Козмы пресвитера на новоявившуюся ересь на богомилы» и другие, а также «Шестокрыл» — переведенное с еврейского астрономическое сочинение с указанием на то, как вычислять затмения солнца, новолуние и т. п., «Логиче-

⁴² Там же. С. 215—216, 221.

⁴³ Там же. С. 468—469.

⁴⁴ Там же. С. 112, 116, 127, 148—150.

⁴⁵ Там же. С. 170.

⁴⁶ Там же. С. 204, 222.

⁴⁷ Лихачев Д. С. Движение «жидовствующих» 70-х—90-х годов XV в. // История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 378, 379.

ка» — трактат по логике еврейского ученого XII в. Моисея Маймонида в соединении с сочинением арабского ученого Аль-Газали, которое знакомило читателей с математическими проблемами, «Тайная тайных», или «Аристотелевы врата», памятник античной литературы «Мудрость Менаандра», книги Ветхого Завета и др.⁴⁸ К кругу чтения еретиков-вольнодумцев причислялись и книги гадательные: Громник, Лунник, Лопаточник.⁴⁹ Я. С. Лурье писал, что список книг, которые были у еретиков, «свидетельствуют о поразительной широте интересов новгородских вольнодумцев. В круг их чтения входили „Библия“ и памятники христианской полемической литературы, фрагменты из писателей классической Греции и творения средневековых арабских и еврейских ученых. Все это позволяет говорить о стремлении новгородских вольнодумцев использовать все доступные им источники культуры, в том числе светской культуры, об элементах гуманизма в их мировоззрении».⁵⁰ Движение вольнодумцев, писал Д. С. Лихачев, «имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV—начале XVI в. большое умственное возбуждение...».⁵¹

* * *

Обратимся вновь к «Сказанию о Мамаевом побоище». Мамай в «Сказании», как уже говорилось, изображается «злым христианским укорителем»: подстрекаемый «диаволом», он «наполнился» «злостью» против «рода христианского». Дьявол «наусти его како разорити православную веру и осквернити святая церкви». Он хочет «всему христианству покорену от него быти». Имея в виду великого князя Дмитрия Ивановича, он говорит: «...мне <...> царю досгойти победити царя, подоба себе». Создается впечатление, что Мамай собирается на битву, чтобы вообще уничтожить христианскую веру. Великий князь серьезно озабочен нашествием врага: «...велико встанье ныне приключися нам».⁵²

Олег Рязанский, присоединившейся к Мамаю, беспокоится о своей судьбе: «Ведый закон Бога сътворителя небу и земли вся твари, а приложихся ныне к нечестивому царю, хотящу попрасти закон Божий!.. Аще ли приложуся к нечестивому царю, ть, поистинне, яко древний гонитель на Христову веру, ть пожреть мя земля жива...».⁵³

Как следует из «Сказания», борьбу с Мамаем фактически возглавляет не столько великий князь, сколько окружающие его высокопоставленные церковные лица — прежде всего митрополит Киприан и игумен Троице-Сергиева монастыря Сергей. Великий князь дважды обращается за советом к митрополиту

⁴⁸ Там же. С. 134—145. См. также: Соболевский А. И. «Логика» жидовствующих и «Тайная тайных» // ПДПИ. СПб., 1899. № 133. Об образованности русских вольнодумцев говорят и памятники, созданные ими самими: «Лаодикийское послание» Федора Курицына, «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына, «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы и др. (Там же. С. 172—193).

⁴⁹ Перетц В. Н. 1) Материалы к истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника. Введение, славянские и еврейские тексты. СПб., 1899; 2) Материалы к истории апокрифа и легенды. II. К истории Лунника. Введение и славянские тексты. Дополнения к истории Громника и указатели к вып. I и II. СПб., 1901.

⁵⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 145.

⁵¹ Лихачев Д. С. Движение «жидовствующих»... С. 382. См. также: Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы XI—XVI вв. М., 1989. Сб. 1. С. 407—429.

⁵² Повести о Куликовской битве. С. 43, 44, 47.

⁵³ Там же. С. 58.

Киприану, извещая его о приходе Мамае и его союзников Олега Рязанского и Ольгерда Литовского. Митрополит дает советы князю, как сдержать Мамае, например, «дарми утолити» его, успокаивает князя, говоря, что «Господь <...> будеть ему помощник», и благословляет его «поити противу поганых татар». Великий князь посещает перед походом и обитель «преподобного игумена Сергия» — Троице-Сергиев монастырь, чтобы «благословения получитьи от святыа тоа обители». ⁵⁴ «Преподобный» Сергей «повеле воду освящати с мощей святых мученик Флора и Лавра» и этой водой «окропи» великого князя «и все христовлюбивое его вѣиство и дасть великому князю крест Христов — знамение на челе. И рече: „Поиди, господине, на поганья половци, призывая Бога, и Господь Бог будеть ти помощник и заступник“». ⁵⁵ Игумен Сергей помогает великому князю и накануне сражения: он посылает «писания» ему «и всем русским князем и всему православному вѣиску мир и благословение». И великий князь «тем писанием утвърдися, аky некими крепкими бранями». ⁵⁶ Уже после сражения князь Владимир называет Сергия «пособником» нашим и «вѣоружителем». ⁵⁷

Идет такая борьба за сохранение «веры христианской», что даже монахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю игумен Сергей снаряжает на предстоящую битву. Оружие их — крест Христов, нашитый на схимах. С «священной водой», также, по-видимому, «с мощей святых», двинулся «богосвященный събор» в «Фроловъскыя врата и в Никольскыя и в Констанътиноеленскыя». Всякий воин должен был быть окроплен священной водой. ⁵⁸

В «Сказании» неоднократно упоминается «крест» — символ христианской веры. Игумен Сергей, как уже говорилось, осеняет великого князя крестом Христовым. Митрополит Киприан, благословляя князя перед походом, также «дасть ему Христово знамение — крест на челе». Архиепископ коломенский Геронтий встречает великого князя «в вратах градных с живоносными кресты <...>, и осени его живоносным крестом и молитву сотвори». ⁵⁹ Дмитрий Волынец советует великому князю перед битвой заставить воинов «вѣоружатися крепко и крестом огражатися». ⁶⁰ Уже на поле битвы князь Дмитрий вынимает «из недр своих живоносный крест <...> и рече: „На тебе убо надеемъся, живоносный Господень кресте“». ⁶¹

На всем протяжении рассказа великий князь непрестанно молится, обращаясь к Христу и Богородице. Узнав о том, что «грядеть на него безбожный царь Мамай <...> неуклонно яряся на христианство и на Христову веру», он, став пред святою иконою Господня образа, «яже в заглавии его стояще <...> нача молитися». ⁶² В день выхода войска из Москвы великий князь вместе с братом Владимиром Андреевичем в церкви «святыа Богородица» молится и «пред образом Господним» и перед образом Богородицы, «юже Лука евангелист <...> написа». ⁶³ Великий князь обращается к Богородице: «Вем бо, госпоже, аще хощеши и можеши нам помощи на противныа сиа врагы поганья половци, иже не призывают твоего имени, мы же, госпоже пречистаа Богородице, на тебя наде-

⁵⁴ Там же. С. 48, 51, 52.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 67.

⁵⁷ Там же. С. 73.

⁵⁸ Там же. С. 54.

⁵⁹ Там же. С. 56.

⁶⁰ Там же. С. 65.

⁶¹ Там же. С. 67.

⁶² Там же. С. 47.

⁶³ Там же. С. 52—53.

емя и на твою помощь». ⁶⁴ Архиепископ Геронтий «срете великого князя» не только с «жывоносными кресты», но «и с святыми иконами». ⁶⁵ Митрополит Киприан посылает также «богосвященный събор свой с кресты и с святыми иконами». ⁶⁶ В «Сказании» постоянно упоминаются Богородица и Иисус Христос. На поле брани великий князь обращается к образу Христа, изображенному на знамени великого полка, молит его о помощи, говоря: «Дръзаем призывати и славити святое и великолепне имя твое, Отца и Сына и Святого Духа». ⁶⁷ Святую Троицу (а также Богородицу и Иисуса Христа) вспоминает великий князь, и когда получает «писание» игумена Сергия: князь «простер руце свои, възопи велегласно: „О велико имя всесвятых Троица, о пресвятая госпоже Богородице, помогай нам <...> Христе Боже, помилуй и спаси душа наша“». ⁶⁸ В «Сказании» неоднократно упоминается Святой Дух: князь «радующесе и веселяшесе о Святом Дусе», «силою Святого Духа» «сынове русские» «гоняще поганных», «сила бо Святого Духа, аки огнь, пожигаеть их». Волинец восклицает: «Сила бо Святого Духа помогает нам!». ⁶⁹

Итак, в «Сказании о Мамаевом побоище» автор постоянно изображает великого князя, поклоняющегося иконам Богородицы и Христа, изображению Христа на полковом знамени, при этом великий князь вспоминает Святую Троицу. Автор несколько раз останавливает внимание на «святом кресте», освященной «с мощей святых» воде, упоминает Святого Духа. Активное участие в «Сказании» отводится монахам, они отправляются на войну, чтобы защитить православную веру. В «Сказании» таким образом оказалось отображенным и даже в какой-то степени акцентированным все то, против чего выступали вольнодумцы. Если они не признавали «пресвятую Троицу», отвергали божественность Христа, отклоняли почитание икон, «честного креста», мощей, критиковали монашество, то в «Сказании» его герои постоянно обращаются с мольбами к Христу, Богородице, Святой Троице, поклоняются иконам, святому кресту, мощам святых, на войну направляют монахов. ⁷⁰ Именно все это помогло одержать победу над врагом. Создается впечатление, что «Сказание» отразило ту ситуацию, которая сложилась в общественно-политической жизни Русской земли конца XV—начала XVI в. С одной стороны, это была борьба против католического влияния, идущего с Запада, с другой — это была борьба с новгородско-московской ересью. И эту последнюю возглавили высшие духовные лица. Великий же князь, сначала в какой-то мере поддерживавший еретиков, впоследствии перешел на сторону церкви, подчинился ее давлению. И может быть, в том, как изображен в «Сказании» великий князь, как будто и борющийся с врагом и вместе с тем, переодевшись перед боем в иное облачение (свою «царскую» одежду он отдал Михаилу Бренку), в конечном счете удалившийся с поля боя («нужею склонився с побоища, яко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрывся в дебри»), нашли его потом «отдыхаючи ему под сѣнию сѣчена дръва березо-

⁶⁴ Там же. С. 53.

⁶⁵ Там же. С. 54, 56.

⁶⁶ Там же. С. 54.

⁶⁷ Там же. С. 63.

⁶⁸ Там же. С. 67.

⁶⁹ Там же. С. 60, 71.

⁷⁰ Как уже говорилось, еретики выступали против поставления церковнослужителей «по мзде». Возможно, в словах, вложенных автором «Сказания» в уста митрополита Киприана и адресованных великому князю, о том, что князю Дмитрию подобает «нечестивых дарми утолити четвертицею сугубь», следует видеть своеобразный отклик на существовавший в церковной жизни XV в. порядок подкупа: «...взьми злато, елико имаши, и пошли противу его и паче исправися пред ним» (Повести о Куликовской битве. С. 48).

ва»), возможно видеть отражение той позиции, которую в реальности пришлось занять Ивану III.⁷¹

То, что «Сказание» дошло до нас во множестве списков XVI в., было читаемо, объясняется, видимо, тем, что современники узнавали в нем известные им из жизни события.

В изображении же Мамаю, как представляется, улавливается облик «жидовина»,⁷² той фигуры, которую в реальной жизни волоколамский игумен Иосиф Волоцкий готов был видеть в представителях новгородско-московской ереси. «Просветитель», обвинявший еретиков в «жидовстве», был создан около 1504 г.,⁷³ имел несколько редакций и распространялся во множестве списков в XVI в. (а потом и в XVII в.).⁷⁴ Трактовка новгородско-московской ереси высшими кругами духовенства была безусловно известна в различных слоях населения.

Тем не менее, хотя Мамай, как повествует «Сказание», и собирался обособиться в «красных городах» на Руси, которые, по его словам, «довлеют нам» (можно предположить, что это Новгород и Псков) («И ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно поживем»), и злобствовал на «род христианский», автор «Сказания» изобразил его совсем не таким уж устрашающим для Руси врагом: его Мамай любит и почитает «книгы», которые ему приносят Ольгерд Литовский и Олег Рязанский. Всю же опасность, исходившую от Мамаю, автор свел к упоминанию в «Сказании» «богов» Мамаю — гадательных книг — Громника Ираклия и Таблицы Пифагора, которые тот в критический момент сражения призвал себе на помощь.

* * *

Итак, «Сказание о Мамаевом побоище» — это художественное произведение, основанное, видимо, на летописных рассказах о битве, происшедшей

⁷¹ Эта странная позиция великого князя Дмитрия в «Сказании» отмечалась М. Н. Тихомировым (см.: Повести о Куликовской битве. С. 370).

⁷² В «Сказании» Мамай именуется «идоложрецом», т. е. поклонником идола. Если учесть, что иудаизм чужд идолопоклонению, это выражение, возможно, надо понимать как иносказательное. Так как, по словам «Просветителя», еретики говорили — «подобает ныне закон Моисеев держати», можно предположить, что под идолом автор «Сказания» подразумевал пророка Моисея, а Мамай-«идолжрец» оказывался поклонником этого идола. И еще, автор изображает Мамаю после поражения бегущим в Кафу, где тот и кончает свою жизнь: он «прибеже к граду Кафе <...> в свою землю...». В Кафе (ныне г. Феодосия), расположенной в Крыму и завоеванной в 1475 г. турками, жило много евреев, вышедших из разных стран, переселявшихся туда из Киева после 1495 г., когда в Литве началось гонение на евреев. Евреи были изгнаны из Литвы при литовском великом князе Александре Казимировиче («вероятно, по настоянию его московской жены Елены»); Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб., б/г. Т. 9. Стб. 286). В Кафе жил и работал Моисей бен Яков, бен Моисей-га-Голе, известный как Моисей Ашкенази, составивший в 1516 г. молитвенник для евреев-крымчан (Там же. Т. 11. Стб. 213—215). Очень возможно, что в «Махмете», которого Мамай, убегая с поля битвы, призывает на помощь (помимо своих богов — гадательных книг) — «великого своего пособника Махмета», следует видеть не Магомета — основателя ислама, как трактуется в комментариях к книге «Сказания и повести о Куликовской битве», а султана Магомета II (1451—1481), который во время гонения на евреев в Европе в XV в. дал им приют в Турции (П е р е т ц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника. С. 88—89). Магомет II «распространил на евреев права всех подданных немусульман», чем «вызвал большой прилив в Константинополь евреев, образовавших здесь центр умственного движения, близкого к гуманистическому. Евреи выпускали в Константинополе книги, открывали школы, занимались медициной и астрологией» (Л и х а ч е в Д. С. Движение «жидовствующих»... С. 378).

⁷³ См.: К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 119.

⁷⁴ Там же. С. 438—466.

в 1380 г между войсками великого князя Дмитрия Ивановича и татарским войском, возглавившимся «темником» Мамаем. Опираясь на «Опись» книг 1545 г, которая заставила нас отнести памятник к XVI в, и проанализировав сообщаемые в нем сведения в связи с событиями, имевшими место на Руси в конце XV—начале XVI в, мы пришли к заключению, что автор «Сказания», живший в XVI в, поставил своей целью отразить в произведении эти события — антикатолические веяния, но в основном события, связанные с развернувшимся в Новгороде и Москве еретическим движением.⁷⁵ И сделал он это превосходно, создав в иносказательной форме яркий рассказ о том, как московский великий князь и православная церковь одержали победу над вольнодумством. Символом этой победы стало изгнание Мамаево вместе с его «богами» из Русской земли.

⁷⁵ Нам представляется, что в «Задонщине» — памятнике XVI в (см Салмина М А 1) «Нарицъ на Чечѣ» в «Задонщине» // ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 231—233, 2) К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ СПб, 2002 Т 54 С 175—176), в котором упомянуто «Мамаево побонище» (об этом уже говорилось), присутствует намек на знакомство его автора с событиями конца XV—начала XVI в на Руси — борьбой с новгородско-московской ересью в списке К-Б «Задонщины» читаем «Земля еси Русская < > была доселева за царем за Соломоном», в списке Ундольского «Русская земля то первое еси как за царем за Соломоном побывала» (см Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла К вопросу о времени написания «Слова» М, Л, 1966 С 549, 537)